

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Леонид МЛЕЧИН

РОССИЯ ПРОТИВ РОССИИ

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ**

Вспомнить всё

Леонид Млечин

**Россия против России.
Гражданская война
не закончилась**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Россия против России. Гражданская война не закончилась
/ Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ",
2018 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040605-3-7

Гражданская война самая страшная – наряду с Великой Отечественной – катастрофа, постигшая нашу страну в XX веке. Незримо она присутствует и в нашей сегодняшней жизни. Семена многих конфликтов были посеяны именно тогда. Многие проблемы, с которыми сталкивается сейчас Россия, – территориальные, политические, экономические, моральные – порождены пролитой тогда кровью. Когда прекратилась Гражданская? Кто может назвать точную дату? И закончилась ли она?..

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040605-3-7

© Млечин Л. М., 2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Враги народа	6
В штаб к Духонину	9
Атаман Каледин застрелился	12
Что празднуем 23 февраля	19
Финляндия потеряна	22
Смерть генерала Корнилова	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Млечин

Россия против России.

Гражданская война не закончилась

От автора

Для моего поколения Гражданская война – это фильм «Неуловимые мстители». Прекрасно снятый и невероятно популярный. Вершина жанра – я школьником смотрел его много раз! И вот что получилось: фильм о приключениях неуловимых и стал зримым образом Гражданской войны. Увлекательная авантюра, в которой, может быть, даже хотелось бы участвовать.

Гражданская война в советское время – самый удобный исторический фон для приключенческих картин. И усилиями кинематографистов она превратилась в череду занятных и увлекательных походов.

А ведь Гражданская война, с моей точки зрения, самая страшная – наряду с Великой Отечественной – катастрофа, постигшая нашу страну в XX веке. Невероятное бедствие, которое не с чем сравнить. Полное разрушение нормальной жизни. И никого не миновала чаша сия. Невозможно было отсидеться в стороне, остаться над схваткой, убежать, спастись. В отличие от других войн, когда существовали фронт и тыл, Гражданская охватила всю страну, и воевали все. Число убитых меньше, чем в Великую Отечественную. Но масштабы ущерба, и не только материального, но и морально-нравственного, пожалуй, еще более значительные.

Война расколола страну и народ. Рассекла семьи. Брат пошел на брата, сын на отца. Невероятное ожесточение и цинизм, хаос и всеобщее ослепление выпустили на волю худшие человеческие инстинкты. Невероятное озлобление и презрение к человеческой жизни, воспитанные затянувшейся Первой мировой войной, умножились на полную безнаказанность, рожденную Великой русской революцией. И только кажется, что нам известна история этой войны.

Историки по-прежнему занимают позиции по разные стороны научного фронта: одни на стороне белых, другие – на стороне красных. Поэтому все еще нет целостной картины того, что происходило в нашей стране. В реальности в Гражданской войне никто не остался чистеньким.

Но можно ли преодолеть споры «за» и «против» красных и белых?

В Гражданскую все ненавидели всех. Эта война заставила ненавидеть всех и каждого. Приучила повсюду видеть врагов и безжалостно их уничтожать, что считалось благим делом. А вот кто враг – в Гражданскую войну каждый решал сам.

Масштабы потерь в этой войне не оценены и по сей день. А глубинные последствия еще не осмыслены. В определенном смысле Гражданская война продолжалась в нашей стране еще многие десятилетия. Но общество не решается это осознать.

Гражданская война незримо присутствует и в нашей сегодняшней жизни. Семена многих конфликтов были посеяны именно тогда. Многие проблемы, с которыми сталкивается наша страна, – территориальные, политические, экономические, моральные – порождены пролитой тогда кровью.

Великая Отечественная закончилась 9 мая 1945 года. Когда прекратилась Гражданская? Кто может назвать точную дату? И закончилась ли она?..

Но прежде всего нужно ответить на вопрос: а когда она началась?

Часть первая С чего все началось

Враги народа

Не точнее ли будет сказать, что Гражданская война вспыхнула сразу же после 25 октября 1917 года? Большевики совершили военный переворот, свергли Временное правительство и взяли власть с обещанием раздавить классового врага. Вероятно, до того как они захватили Зимний дворец, это носило теоретический характер.

Страсти накалялись постепенно. Но общество довольно быстро оказалось готово к террору. Едва отрекся от престола император Николай II, как в газете «Известия Петроградского совета рабочих депутатов» 1 марта 1917 года появилась заметка под названием «Враги народа». Речь шла об аресте царских министров.

Кажется, это первое в России использование словосочетания, которое станет таким пугающим, – «враг народа». Вначале было слово... Тот самый случай. Но и дела не заставили себя ждать. Идея вооруженной революции породила вооруженную контрреволюцию.

Владимир Ильич Ленин всю свою сознательную жизнь шел к революции и точно знал, что ему делать, когда возьмет власть. В отличие от главы Временного правительства Александра Федоровича Керенского, на которого премьерские обязанности свалились совершенно неожиданно. Он наотрез отказывался подписывать смертные приговоры: как можно распоряжаться чужими жизнями?! А Ленин не сомневался: без крови власть не сохранить.

Русская революционерка вспоминала, как задолго до революции небольшая группа эмигрантов оказалась в невероятно красивых местах. Все, как замороженные, любовались природой. И только Ленин был поглощен мучившими его мыслями:

– А здорово нам гадят меньшевики!..

Слушатель эмигрантской партийной школы во французском городке Лонжюмо вспоминал, как молодой еще вождь большевиков предсказывал: в будущей революции меньшевики будут только мешать. После занятий укоризненно заметил Ленину:

– Уж очень вы, Владимир Ильич, свирепо относитесь к меньшевикам.

Все-таки и большевики, и меньшевики входили в одну социал-демократическую партию. Революционеры легко переходили из одного крыла в другое. Разногласия, казалось, касаются лишь тактики и методов.

Ленин, усевшись на велосипед, посоветовал:

– Если схватили меньшевика за горло, так душите.

– А дальше что?

– Прислушайтесь: если дышит, душите, пока не перестанет дышать.

И укатил на велосипеде.

Через десять дней после Октябрьского переворота в «Известиях ЦИК» появилась статья «Террор и гражданская война». В ней говорилось: «Странны, если не сказать более, требования о прекращении террора, о восстановлении гражданских свобод». Это была принципиальная позиция советской власти: переустройство жизни требует террора и бесправия. Так и получилось.

На заседании ЦК партии Ленин недовольно заметил товарищам:

– Большевики часто чересчур добродушны. Мы должны применить силу.

Выступая на заседании Петроградского комитета партии, пообещал:

– Когда нам необходимо арестовывать – мы будем... Когда кричали об арестах, то тверской мужичок пришел и сказал: «Всех их арестуйте». Вот это я понимаю. Вот он имеет понимание, что такое диктатура пролетариата.

На III съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ленин объявил:

– Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе как насилем. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, – да, мы за такое насилие!

Не наступление белой армии (она еще не сформировалась), не действия контрреволюции (ее еще не было), не высадка войск Антанты (они сражались против кайзеровской Германии и ее союзников), а собственные представления Ленина о мироустройстве вели его к установлению тоталитарного режима и уничтожению тех, кого он считал врагами.

22 ноября 1917 года глава советского правительства подписал декрет № 1, которым отменил все старые законы и разогнал старый суд. Заодно ликвидировали институт судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуру. Декрет учреждал «рабочие и крестьянские революционные трибуналы». Страна вступила в эпоху беззакония – в прямом и переносном смысле. Ленинцы исходили из того, что правосудие служит государству. Политическая целесообразность важнее норм права. Власть не правосудие осуществляет, а устраняет политических врагов.

Трибуналы руководствовались революционным чутьем и социалистическим правосознанием. Если председатель трибунала считал, что перед ним преступник, – значит, так и есть. Соратники и подчиненные Ленина по всей стране охотно ставили к стенке «врагов народа и революции».

Вечером 28 ноября 1917 года Ленин подписал декрет Совета народных комиссаров «Об аресте вождей гражданской войны против революции»: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов». Кадеты – партия адвокатов и профессоров! Никому не угрожавшая!

Для того чтобы угрозы стали реальностью, не хватало только универсального инструмента для уничтожения всех, кого признают врагами.

Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) большевики образовали в декабре 1917 года для того, чтобы справиться с чиновниками, которые бойкотировали новую власть и не желали подчиняться Совету народных комиссаров. Но руководители партии быстро поняли цену ВЧК как важнейшего инструмента тотального контроля над страной.

Создатель системы госбезопасности Феликс Эдмундович Дзержинский видел в ВЧК особый орган, имеющий право самостоятельно уничтожать врагов: «Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно». Он добился этого права для чекистов, и кровь полилась рекой. Страна с ужасом заговорила о «кожаных людях». Кожаные куртки чекистам нравились не потому, что они предчувствовали моду на кожу. В кожаных куртках не заводились вши. В те годы это было очень важно: вши – переносчики тифа, который косил людей и на фронте, и в тылу.

21 февраля 1918 года Совнарком утвердил декрет «Социалистическое отечество в опасности!». Он грозил расстрелом как внесудебной мерой наказания «неприятельским агентам, германским шпионам, контрреволюционным агитаторам, спекулянтам, громилам, хулиганам». Важно отметить эту формулировку: внесудебная мера наказания!

Приказом Наркомата просвещения закрыли все юридические факультеты. Приказ вошел в историю. «В бесправной стране права знать не нужно», – горько констатировал профессор-историк Юрий Владимирович Готье, запечатлевший в своем дневнике революционную эпоху.

Может быть, прав француз Гюстав Флобер, заметивший, что «в каждом революционере прячется жандарм»?

Нарком внутренних дел Советской России Григорий Иванович Петровский разослал всем местным органам власти циркулярную телеграмму:

«Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

«Массовый террор» – это не фигура речи, а указание.

Когда начались повальные аресты и хватали известных и уважаемых ученых и общественных деятелей, нашлись уважаемые и еще не запуганные люди, воззвавшие к Ленину: прекратите произвол! Известная актриса Мария Федоровна Андреева, много сделавшая для большевиков, жена Максима Горького, ходатайствовала об освобождении заведомо невиновных. Ленин откровенно ей объяснил: «Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околкадетской публики... Преступно не арестовывать ее».

Арестовали председателя Всероссийского союза журналистов Михаила Андреевича Осоргина. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

– Как вы относитесь к советской власти?

– С удивлением, – признался Осоргин, – буря выродилась в привычный полицейский быт.

Жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Беспощадность оправдывалась и поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение – слегка пожурить.

Главный редактор «Правды» и будущий член политбюро Николай Иванович Бухарин, считавшийся самым либеральным из большевистских руководителей, писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

В определенном смысле Николай Иванович оказался прав. Беззаконие, массовый террор, ужасы Гражданской войны – вот через какие испытания прошли советские люди. Тотальное насилие не могло не сказаться на психике и представлениях о жизни.

Почему Владимир Ильич Ленин, русский интеллигент из просвещенной дворянской семьи, воспитанный на классической литературе, считал возможным сажать и расстреливать людей без суда и следствия? Он же сам прошел через тюрьму и ссылку! Но это не воспитало в нем чувствительности к ущемлению прав человека.

Ленинская попытка построить коммунизм за несколько месяцев разрушила экономику и привела Россию к голоду. Обычно провалившееся правительство уходит, уступая место более умелым соперникам. Большевики нашли другой вариант: изобретали все новых врагов, на которых перекладывали вину за собственные неудачи.

Ленин придумал себе оправдание: лишь построение коммунизма приведет к торжеству справедливости и сделает весь народ счастливым. Какое значение имеет жизнь отдельных людей, когда сражаемся за всеобщее благо! Сомнений в собственной правоте не допускал. Власть была в его руках, и это единственное, что имело значение.

В штаб к Духонину

В областном театре Могилева до сих пор существует царская ложа, потому что именно в этом городе в Первую мировую войну находилась Ставка Верховного главнокомандования. В 1915 году император Николай II принял на себя звание главковерха и из Могилева почти не выбирался. Спектаклей император здесь не смотрел, постоянной труппы в театре не было, а гастролеры его не интересовали. Здесь императору показывали свежую военную кинохронику – вести с фронтов.

И сохранилось здание, в котором в 1917 году находилась служба дежурного генерала. Здесь император, уже отрекшись от престола, прощался со своими генералами, и многие из них плакали... А осенью того же революционного года хозяином стал генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандования. После того как большевики разогнали Временное правительство и взяли власть, он по уставу принял на себя обязанности главковерха.

Генерал Духонин был талантливым штабистом. По отзыву Керенского – «широкомыслящий, откровенный и честный человек, далекий от политических дрызг и махинаций». Духонин демонстративно не желал заниматься политикой. Но в 1917 году это была должность не для профессионального военного без политического опыта и политических амбиций. Генерал хотел исполнять свой профессиональный долг – командовать армией, но не сумел ни сохранить контроль над вооруженными силами, ни спасти самого себя.

Держа в руках все нити управления вооруженными силами России, генерал Духонин медлил и считал, что кто-то другой должен подавить большевистский мятеж. Но власти большевиков генерал не признавал:

– Полномочного правительства сейчас в России нет. Его еще надо создать.

Ленин этого не стерпел. В Смольном, где находился Совет народных комиссаров, приняли решение сместить генерал-лейтенанта Духонина и назначить Верховным главнокомандующим прапорщика Николая Васильевича Крыленко. Ленин приказал Крыленко сформировать боевой отряд из верных большевикам солдат и матросов, выехать на фронт, начать с немцами переговоры о перемирии, а заодно захватить Ставку.

Крыленко – один из немногих большевиков, имевших хоть какой-то военный опыт. Он хорошо выступал и пользовался популярностью среди солдат. Генерал Духонин воспринял назначение прапорщика главкомандующим как неуместную шутку или как свидетельство полного авантюризма большевиков.

Духонин пытался уберечь страну и от вероятного наступления немцев (Первая мировая еще продолжалась), и от междоусобной розни. Приказал штабу Северного фронта: «Вам надлежит с верными национальной чести войсками прикрывать подступы к Москве. Людей, покидающих самовольно фронт, силой оружия не пропускайте вглубь России или предварительно обезоруживайте их. Мы должны спасти Россию от гражданской войны».

Генерал Духонин обратился к солдатам:

– Дайте время истинной русской демократии сформировать власть и правительство, и она даст нам немедленный мир совместно с союзниками.

Но вот времени у него уже не оставалось! Да и войска вышли из повиновения.

Генерал Духонин провел в Могилеве совещание, на котором решили перевести Ставку в Киев. Но на Украине возникла своя власть, желавшая отгородиться от России. Центральная рада ответила отказом, заявив, что Киев «мало пригоден по техническим условиям». Главнокомандующему русской армией некуда было деваться.

Генерал хотел избежать братоубийственного сражения между солдатами русской армии и приказал верным ему ударным батальонам покинуть Могилев. Ревком, состоявший из боль-

шевиков и левых эсеров, объявил, что помещает Духонина под домашний арест. Главкомандующий остался совершенно один. Никто не пришел ему на помощь. Даже батальон георгиевских кавалеров, охранявший Ставку, перешел на сторону красных. Генерал горько сказал:

– Я имел и имею тысячу возможностей скрыться, я знаю, что Крыленко меня арестует и, может быть, даже расстреляет, но это будет солдатская смерть.

Смещенного с должности генерала Духонина держали в его собственном салон-вагоне. Судьба его решилась в тот день, когда на вокзал прибыл поезд с наркомом по военным делам Крыленко. Арестованного Духонина привели в крыленковский поезд.

Его должны были отправить в Петроград. Но опьяненные сознанием собственной власти матросы требовали выдать им Духонина на суд и расправу. Все это произошло в считанные минуты. Собралась толпа: матросы и пехотинцы жаждали крови. Требовали, чтобы генерал вышел к ним. И когда он вышел, толпа растерзала его.

«Ставка взята, и весь технический аппарат командования в руках новой власти», – удовлетворенно писал в своих воспоминаниях Крыленко.

Он сообщил в Петроград: «Если передать дело судебному следователю, обязательно вскрытие. Предлагаю прекратить дело постановлением государственной власти... Возбуждение дела с обязательными допросами матросов едва ли целесообразно».

Убийство осталось безнаказанным.

В годы Гражданской войны выражение «отправить в штаб к Духонину» стало крылатым и означало казнь без суда и следствия. Сам Крыленко никогда не выразил сожаления по поводу гибели Духонина.

Возможно, Николай Васильевич отнесся бы к этому трагическому эпизоду иначе, если бы подозревал, что с ним через двадцать лет поступят точно так же: в 1938 году расстреляют как «террориста и контрреволюционера»...

Русской армии как единого механизма, подчиняющегося воле командования и способного выполнять боевые приказы, больше не существовало. Начальник штаба 12-й армии пригласил новому главкому Крыленко свой доклад:

«Армии не стало – есть огромная, усталая, плохо одетая, с трудом прокармливаемая, озлобленная толпа людей, объединяемая жаждой мира и всеобщим разочарованием. Достаточно натиска небольших неприятельских сил, чтобы вся эта масса людей ринулась в тыл, все сокрушая, поедая и уничтожая на своем пути».

Крыленко, в свою очередь, обратился в Совет народных комиссаров:

«Изголодавшиеся массы бегут и, движимые инстинктом самосохранения, затевают в местностях прифронтовой полосы погромы в поисках денег и хлеба. Недостаток фуража и ослабление конского состава делают невозможным вывоз материальной части и артиллерии. Армия неспособна даже стоять на позиции. Фронта фактически нет».

18 декабря Крыленко доложил Совнаркому, что армия утратила боеспособность и придется принять любые условия, которые выставят немцы при заключении мира. Но невозможно же остаться без вооруженной силы.

25 декабря Крыленко подписал приказ о формировании из солдат-добровольцев народно-социалистической гвардии:

«Народно-социалистическая гвардия создается из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды для защиты завоеваний революции и борьбы за демократический мир и торжество социалистической революции на Западе и в России».

Он призвал к «священной революционной войне»:

«С упованием смотрят на нас народы Запада, в Италии и Испании, в Германии и Франции, в Австрии и Швеции.

Ждут не дождутся истомленные народы призыва к борьбе со своей буржуазией».

Планов формирования добровольческих частей было много. Ни один не удавалось воплотить в жизнь. Отсутствие дисциплины было вполне закономерным. Сразу после революции большевики разработали декларацию прав солдата. За подписью Ленина появились декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Власть в армии передавалась солдатским комитетам. Солдаты получили право выбирать себе командиров и не подчиняться приказам.

Крыленко самокритично писал:

«Конечно, тут не обошлось без тяжелых эксцессов, страданий для части ни в чем не повинного младшего офицерства, повсеместно смещенного солдатами с должностей и поставленного на уровень рядовых; самоубийства офицеров, брошенных в землянки, приставленных конюхами, кашеварами и т. д., эпидемией прошли по армии, но зато революция была поставлена на ноги в армии».

Очень быстро большевики столкнулись с тем, что такая армия воевать не может, это была не армия, а толпа. Большевики могли положиться только на вооруженных рабочих Петрограда, матросские сводные отряды и латышские стрелковые части.

Почему в Гражданскую войну необычно большую роль играли латыши, венгры и другие нерусские отряды? Им некуда было деваться, в отличие от русских крестьян они не могли разбежаться по родным селам, им оставалось только одно – воевать.

Еще в царской армии в 1915 году сформировали восемь полков латышских стрелков – общей численностью сорок тысяч человек. В декабре 1916-го полки свели в Латышскую дивизию. Латышские крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовали в войне с немцами. А после революции латыши надеялись, что большевики выгонят из Прибалтики немцев и раздадут им землю.

13 апреля 1918 года большевики сформировали Латышскую стрелковую дивизию под командованием бывшего полковника Иоакима Иоакимовича Вацетиса. В ту пору это была самая надежная часть в составе Красной армии.

На стороне большевиков воевали и китайцы. Откуда они взялись? Во время Первой мировой в России не хватало рабочих рук. Договорились с правительством Китая. Имелось в виду использовать китайцев на строительстве оборонительных сооружений и дорог, а также на военных предприятиях.

В 1916 году пригласили пятьдесят тысяч китайских рабочих. К Октябрю в европейской части России находилось уже втрое больше китайцев. Они строили Мурманскую железную дорогу, добывали уголь в Донбассе, валили лес в Карелии. После революции на родину уехало только сорок тысяч. Остальные остались. Присоединялись к большевикам. Формировались китайские интернациональные отряды. Китайцы воевали и в составе ставшей знаменитой 25-й дивизии Василия Ивановича Чапаева.

Атаман Каледин застрелился

Николай Николаевич Духонин не нашел в себе силы бросить войска против большевиков. Не смог и оставить армию, когда ему самому угрожала смерть. Но, уже сознавая, что обречен, позволил бежать от большевиков военачальникам, которые через несколько месяцев положили начало Белому движению.

По мнению генерала Алексея Алексеевича Брусилова, этот поступок «погубил окончательно рыцарски честного Духонина». Он спас боевых товарищей, но не себя. Они уехали, он остался. Если бы генералы Корнилов, Деникин, Марков попали тогда в руки прапорщика Крыленко, Добровольческая армия, возможно, вообще бы не создавалась.

Генералы находились под арестом после неудачи Корниловского мятежа летом семнадцатого года. Это крайне запутанная история. Одни считают ее авантюрой, другие – последней реальной попыткой остановить большевиков.

Лавр Георгиевич Корнилов был одним из самых знаменитых генералов русской армии. В июле 1917 года Временное правительство назначило его Верховным главнокомандующим. А всего через месяц с небольшим генерал от инфантерии Корнилов потребовал от главы Временного правительства Керенского передать ему власть в стране, чтобы навести порядок. Но ничего из Корниловского мятежа не вышло. Лавр Георгиевич, человек эмоциональный, импульсивный и прямолинейный, и мятежником оказался спонтанным, плохо подготовившимся.

Смещенного генерала Корнилова доставили в гостиницу «Метрополь» в Могилеве и держали под домашним арестом. Через несколько дней переправили в город Быхов. Поразительным образом это мрачное и неудобное здание бывшей женской гимназии сохранилось. Я бродил по этому дому, представляя себе события столетней давности.

На фронте радикально настроенные солдаты требовали судить корниловцев. Но в Быхове им ничего не угрожало. Генералов, смещенных с должности «за попытку вооруженного восстания», охраняли преданные Корнилову кавалеристы-текинцы и георгиевские кавалеры. Для них он оставался Верховным.

Внутри тюрьмы арестованные передвигались вполне свободно. Среди них был и генерал Антон Иванович Деникин, которому суждено будет вести с большевиками долгую войну. Разместили генералов с относительным комфортом. Жена Деникина вспоминала: в камере два окна, между ними столик, два стула, кровати заправлены солдатскими одеялами. Из Ставки даже прислали повара, который им готовил. Кормили арестованных на первом этаже. Туда же по субботам приходил батюшка, а вечерами они собирались в шестой, самой просторной камере на втором этаже.

Жена Деникина приносила бутылку водки. Но пили немного, в основном спорили и говорили. Как вспоминал сам Антон Иванович, разговоры сводились к одному и тому же мучительному и большому вопросу: о причинах русской смуты и о способах ее прекращения. Генерал Корнилов ел в своей камере и по несколько дней не выходил на прогулку. Хотел, чтобы тюремщики привыкли к его отсутствию. Он готовился бежать.

Ранним утром 19 ноября 1917 года генерал Духонин отправил в Быхов одного из своих офицеров – полковника Генерального штаба Павла Алексеевича Кусонского, помощника начальника оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. Он предупредил о приближении большевиков:

– Через четыре часа Крыленко и эшелон матросов будут в Могилеве. Город сдадут без боя. Всем необходимо покинуть Быхов.

Вечером пять генералов бежали. Они решили пробираться в Новочеркасск, где власть принадлежала их сослуживцу генералу Каледину.

Иван Павлович Романовский надел погоны прапорщика, Сергей Леонидович Марков переоделся в рядового и изображал денщика Романовского. Александр Сергеевич Лукомский выдавал себя за немецкого колониста. Деникин получил в польской дивизии документы помощника начальника 73-го санитарного отряда... Они поехали в Новочеркасск по железной дороге.

Корнилов покинул Быхов последним. В полночь построили караул. Он вышел. Поблагодарил солдат за службу, вручил им две тысячи рублей наградных, сел на коня и уехал. Солдаты проводили его криками «ура!».

В час ночи сонный Быхов был разбужен топотом коней. Текинский полк во главе с генералом Корниловым скрылся в ночной тьме. За двенадцать дней похода Корнилов потерял своих людей в стычках и, оставшись практически один, все равно вынужден был сесть на поезд. Он позже всех добрался до Новочеркасска, где его ждали с тревожным нетерпением семья и соратники.

«Я увидел подлинную жизнь и ужаснулся, – вспоминал генерал Деникин путешествие в Новочеркасск. – Прежде всего – разлитая повсюду безбрежная ненависть. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам – признакам культуры, чужой или недоступной толпе. Ненависть рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Царило одно желание – захватить или уничтожить».

Добровольческая армия родилась в казачьей столице – городе Новочеркасске. Сюда со всей страны устремились офицеры, кадеты (воспитанники начальных военно-учебных заведений), юнкера (курсанты военных училищ), не признавшие Октябрьский переворот в Петрограде. Они надеялись превратить юг России в базу войны против большевиков. Верили в природный монархизм казаков.

2 ноября 1917 года в Новочеркасск прибыл генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, который при императоре был начальником штаба Верховного главнокомандующего. Он обещал сформировать Добровольческую армию, которая восстановит в России законную власть. В гостинице «Европейская» – здание сохранилось, я его нашел – не осталось ни одного свободного номера. Здесь, вспоминал Деникин, разместился штаб антибольшевистского сопротивления – генералы, съехавшиеся со всей России, чтобы поднять вооруженное восстание против большевиков. Организацию взял на себя генерал Алексеев. Но ему не хватало популярности в войсках.

Растерянное офицерство взирало с надеждой на генерала Корнилова. Его имя было притягательно для молодых офицеров. «Никогда не забуду его темного, сумрачного лица, его узких калмыцких глаз», – вспоминал один из руководителей Военного министерства. Алексеев передал Корнилову непосредственное командование Добровольческой армией, а сам занялся материальным обеспечением и политическими делами. Алексеев, который еще недавно распоряжался миллиардным военным бюджетом Российской империи, бегал по всему городу, чтобы найти десяток кроватей, несколько пудов сахара и обогреть, накормить и приютить бездомных офицеров.

«Я застал генерала Алексеева в вагоне, где он жил, – вспоминал бывший депутат Государственной думы Василий Витальевич Шульгин. – Он говорил о том, что армии прежде всего нужна база, где она могла бы собраться. Что этой базой он избрал Дон, который хотя шатается, но все-таки еще держится. Что не может быть другого принципа, как добровольное вступление в армию. Что он убежден: дисциплинированный отряд, имеющий военные знания и опыт, возьмет в конце концов верх над всеми «революционными армиями» с их комиссарами. И что он, Алексеев, исполняет свой долг, а там – что Бог даст».

16 ноября 1917 года в Новочеркасске под видом слабосильной команды – то есть команды выздоравливающих – сформировали первую белую часть, сводную офицерскую роту, наполовину состоявшую из юнкеров и студентов. В декабре образовали еще несколько офицерских рот, которые впоследствии развернули в батальоны.

27 декабря первые офицерские формирования стали называться Добровольческой армией. Хотя какая это была армия – всего несколько тысяч человек! Без оружия и амуниции. Из Киева приехал отряд полка георгиевских кавалеров, затем появился эшелон ударного полка, который был создан летом на Юго-Западном фронте и стал называться Корниловским в честь Лавра Георгиевича.

Восхищавшаяся белой армией Марина Ивановна Цветаева писала:

*Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая...*

*Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон...*

*И в словаре задумчивые внуки
За словом «долг» напишут слово «Дон».*

18 января 1918 года в Новочеркасске Алексеева прямо спросили:

– Скажите, генерал, откуда вы получаете средства для существования?

– Средства главным образом национального характера и добываются путем добровольного пожертвования от частных лиц, – ответил генерал. – Кроме того, не скрою от вас, что некоторую поддержку мы имеем от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эти с их стороны поддержки.

На самом деле союзники выделили сущие копейки, хотя были заинтересованы в Белом движении, поскольку оно обещало продолжить войну против Германии. В январе 1918 года Алексеев получил от французской военной миссии триста тысяч рублей. Англичане и на это не расщедрились. Зато Донское правительство выделило четырнадцать миллионов. Из них шесть миллионов ассигновал только что избранный донским атаманом Алексей Максимович Каледин.

Неизвестно, родилась ли бы белая армия, если бы на просьбу «дать приют русскому офицерству» не откликнулся атаман войска Донского генерал Каледин. На донские деньги и приобрелось оружие.

Атаман Каледин, герой Первой мировой войны, – фигура и по сей день недооцененная и непонятая. Большевики считали его своим злейшим врагом, офицеры Добровольческой армии называли «казачьей слякотью».

Алексей Максимович Каледин с юности избрал военную стезю, окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Сослуживцы считали его честным, смелым, упрямым и, может быть, несколько угрюмым. Насколько он был счастлив в военной карьере, настолько несчастлив в личной жизни. Его единственный сын в двенадцать лет утонул, купаясь в реке.

Первую мировую войну будущий атаман начал в роли командующего 12-й кавалерийской дивизии. Он был ранен, награжден. Генерал Алексей Брусилов поставил его сначала во главе корпуса, а весной 1916 года, возглавив Юго-Западный фронт, передал Каледину свою 8-ю армию.

Каледин участвовал в знаменитом Луцком прорыве, который при советской власти стал именоваться Брусиловским (поскольку Брусилов перешел на сторону советской власти). Тогда, в 1916 году, Каледин добился большого успеха. Получил погоны генерала от кавалерии.

Командующий фронтом Брусилов телеграфировал Каледину:

«Слава и честь 8-й армии с Вами во главе. Не нахожу слов благодарности за беспримерную быструю решительную боевую работу. Низко кланяюсь славным частям 8-й армии».

Каледин писал жене:

«Ты знаешь, как я всегда сердился, когда ты (еще до войны) начинала мечтать о моей карьере, повышении и т. д. Разве, милая, недостаточно того, что судьба нам послала? Не следует ее искушать и говорить еще о чем-нибудь... Мое имя, сделавшее всероссийский шум, скоро совершенно забудется. Я не буду в претензии, лишь бы Бог дал мне успешно выполнить мою задачу (даже маленькую) до конца и лишь был бы общий успех наших армий. Поэтому, дорогая, мечтай только об этом и, пожалуйста, не возмечтай, что твой муж какая-то особая птица, а ты, его жена, важная дама».

Каледин спокойно перенес отречение императора и Февральскую революцию, но он переживал распад вооруженных сил. Сдал свою армию генералу Лавру Георгиевичу Корнилову и вернулся на Дон.

События на Дону развивались не в пользу советской власти. В 1917 году донское казачество пыталось отгородиться от остальной России. После почти двухсотлетнего перерыва 26 мая 1917 года в Новочеркасске собрался Большой войсковой круг. Один делегат избирался от пяти тысяч населения или от пятисот казаков-фронтовиков.

В области войска Донского жило полтора миллиона казаков – это половина сельского населения края, но им принадлежало там три четверти всей земли. При царях воинская повинность казачества компенсировалась определенными привилегиями. В первую очередь казаков щедро наделяли плодородной землей, что вызывало зависть соседей-крестьян и переселенцев. Из-за земли здесь и воевали. На нее претендовало и местное малоземельное крестьянство, почти миллион человек, а главное – крестьяне-переселенцы с севера и из центра страны. Казаки называли их иногородними и отказывали им в праве на постоянное жительство и на землю, они могли быть либо арендаторами, либо батраками. Иногородних насчитывалось от восьмисот тысяч до миллиона.

Большой войсковой круг отверг претензии соседей-крестьян на передел угодий: «Земля принадлежит казакам!» Соседи возненавидели казаков и примут самое деятельное участие в кампании расказачивания.

Председателем Донского войскового круга избрали Митрофана Петровича Богаевского, главного идеолога и выразителя казачьих интересов. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и директорствовал в гимназии в станице Каменской. Весной 1918 года Митрофана Богаевского расстреляют большевики в Ростове-на-Дону. Его брат Африкан Петрович служил в лейб-гвардии Атаманском полку. Первую мировую окончил командиром полка. Он станет последним Донским атаманом.

Митрофан Богаевский уговорил Каледина выставить свою кандидатуру в войсковые атаманы. Казаки встретили прославленного генерала аплодисментами и охотно за него проголосовали. 17 июня 1917 года он стал выборным атаманом области войска Донского.

Политические взгляды Каледина были неопределенными. Он понимал, что жизнь надо переустроить как-то по-новому, но не знал как. Казакам заявлял:

– Не буду говорить о своей преданности новым началам жизни. Думаю, если бы у вас было хотя малейшее сомнение в этом, то не только мое избрание, но даже моя кандидатура на пост атамана были бы невозможны.

Каледин не поддержал выступление генерала Корнилова, стремившегося к военной диктатуре в стране. 25 октября 1917 года, получив сведения из Петрограда о свержении Керенского и взятии Зимнего дворца большевиками, Каледин и Богаевский приняли решение: в чрезвычайной ситуации, когда потеряна связь с центральной государственной властью, вой-

сковое правительство «до восстановления власти Временного правительства и порядка в России приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области».

Но атаман Каледин не спешил ссориться с новой властью в Петрограде.

28 октября генерал Духонин телеграфировал Каледину:

«Не найдете ли возможным направить в Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряд казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград».

Каледин ответил Духонину отказом:

«Посылка противоречит постановлению Круга и требует наличия чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков».

И Ленин говорил, что с Калединым можно заключить соглашение – за ним сила. Но столкновение было неминуемым, поскольку большевики не доверяли казакам.

В Ростове-на-Дону большевики попытались взять власть и с помощью Красной гвардии овладели городом. Каледин отправил казачьи части в Ростов, чтобы навести в городе порядок. Ростовчане восторженно встречали атамана. Его автомобиль ехал по Большой Садовой улице мимо ликующей толпы. Каледин сидел молча, погруженный в свои мысли. Автомобиль остановился, и атаману устроили овацию.

Каледин сделал властный жест – и толпа затихла.

– Не надо устраивать мне оваций, – сказал он. – Я не герой, и мой приезд не праздник. Не счастливым победителем въезжаю я в ваш город. Пролилась кровь – и это не повод для радости. Мне тяжело. Я всего лишь исполняю свой гражданский долг.

Казаки считались оплотом царского трона, но они вовсе не были едиными, их раздирали противоречия между казачьей массой и казачьей аристократией, между радикально настроенными жителями Верхнего Дона и более умеренными жителями Нижнего Дона.

27 декабря 1917 года в Смольном нарком по делам национальностей Иосиф Виссарионович Сталин декларировал политическое недоверие к казакам. Ему поручили принять делегацию донцов, которые не желали конфликтовать с Москвой. Казаки спросили наркома, что именно советская власть ставит в вину атаману Каледину.

– Каледин организует контрреволюционные силы, – объяснил Сталин, – не пропускает грузов хлеба и угля, вносит расстройство в хозяйственную жизнь страны, то есть наносит самый чувствительный удар революции.

Казаки обратили внимание наркома на то, что Каледин избран «не буржуями и мироедами, а трудовым казачеством», которому, выходит, советская власть объявляет войну.

– Мы стараемся объяснить трудовому казачеству, куда ведет его Каледин, – хладнокровно отвечал Сталин. – Но история знает, что иногда убеждаешь-убеждаешь друзей, а они не понимают. Нам приходится бить Каледина, а рикошетом и трудовое казачество.

Казаки обещали, что они сами наведут порядок на Дону, и просили не присылать из Москвы карательные отряды.

– Вы, господа, не представляете никакой силы, – отверг это предложение Сталин, – следовательно, нет никаких гарантий, что ваше обещание устранить контрреволюционное гнездо на Дону будет исполнено. А потому отозвать посланные против Дона войска и прекратить начатую борьбу мы не можем. Единственное, что я могу обещать, так это то, что мы примем все меры к тому, чтобы не пролить ни одной лишней капли крови народной. А войска как посылались, так и впредь будут посылаться на Дон.

Атаман Каледин поддержал создание Добровольческой армии, но его собственные позиции оказались слабыми – с фронта вернулись казачьи полки, благодарные Ленину и Троцкому за то, что те покончили с Первой мировой войной.

Фронтвики были недовольны Калединым за то, что он пустил на Дон белых генералов, втягивающих их в Гражданскую войну. Генералы действительно надеялись превратить юг

России в антибольшевистский оплот. Верили в монархизм казаков, готовились к походу на Москву. Но казаки не собирались вникать в большую политику, в дела, далекие от их нужд. Донцы не поддержали атамана, и Каледин взял свои слова назад. Попросил белых офицеров покинуть Новочеркасск. Добровольческая армия приняла решение уходить на Кубань. Воспользовавшись этим, советские войска окружили Новочеркасск.

Командовал ими народный комиссар по военным и морским делам Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Он окончил военное училище. Познания в военном деле и энергия выдвинули его в число главных действующих лиц Октябрьской революции. Именно он 25 октября 1917 года руководил захватом Зимнего дворца и арестом Временного правительства. 8 декабря Совнарком назначил Антонова-Овсеенко командующим советскими войсками по борьбе с контрреволюцией на юге страны.

Он сообщал в Совнарком, что вооружает рабочие отряды, но подчиненные ему войска пьянствуют, занимаются грабежами и при первом удобном случае дезертируют.

25 декабря Антонов-Овсеенко доносил в Петроград:

«Новые силы приходят крайне туго, и у меня сейчас всего до 500 человек московских красногвардейцев остается под рукой – все остальное пущено в ход».

Антонов сообщал, как к нему обратились за помощью харьковские рабочие, которые по шесть недель не получали зарплаты:

«Тогда я «созвал» совещание виднейших капиталистов, послав за ними красногвардейцев. Совещание заупрямилось. Я предложил гостям посидеть у меня в вагоне 2-го класса, пока рабочим не будет выдан нужный миллион рублей. Миллиона все нет. Капиталисты сидят, и я повезу их на рудники».

Ленин 29 декабря 1917 года телеграфировал Антонову-Овсеенко:

«От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно одобряю арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на принудительные работы в рудники».

29 января 1918 года в своем кабинете в Атаманском дворце Каледин сказал членам Донского правительства:

– Положение вещей должно быть признано безнадежным. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития... Я слагаю с себя полномочия атамана и полагаю, что то же самое следует сделать и членам правительства.

Каледин предложил казакам действовать по своему усмотрению: или присоединиться к Добровольческой армии, или просто бежать от советских войск.

«Боевой генерал, который, не колеблясь, посылал десятки тысяч людей на верную смерть, сам оказался душевно неспособен к самой жестокой войне, войне гражданской, – писал известный публицист Петр Бернгардович Струве. – Я эту неспособность к гражданской войне прочел на лице Каледина с потрясающей ясностью в том незабываемом для меня последнем заседании Донского правительства».

Атаман оставил генералу Алексееву, одному из создателей Добровольческой армии, горькое предсмертное письмо:

«Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов и отходят от него.

Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества, и я Вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить больше-

виков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков...»

Алексей Максимович Каледин покончил с собой 29 января 1918 года в 14 часов 32 минуты. В маленькой комнате своего брата Василия на железной койке. В этот день в Атаманском дворце все готовились к бегству. Переодевались в штатское...

В недавно отремонтированном Атаманском дворце в Новочеркасске я долго стоял в этой небольшой комнатке, где он застрелился, и думал: почему он это сделал?

Слабохарактерный и излишне впечатлительный? Боевой генерал! Он не захотел участвовать в братоубийственной бойне. Трагедия Каледина состояла в том, что Дон за ним не пошел. Но отдадим ему должное – он предпочел умереть сам, а не отдавать приказы убивать других, чем с таким удовольствием занимались остальные вожди Гражданской войны.

Что празднуем 23 февраля

Декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Ленин подписал 28 января 1918 года. Народный комиссар по военным и морским делам Николай Ильич Подвойский и предлагал считать этот день праздником вооруженных сил Советской России. Но днем рождения Красной армии сделали 23 февраля.

В сталинские времена считалось, что в этот день в 1918 году красноармейцы одержали первую победу над наступавшими немецкими войсками под Нарвой и Псковом. В «Кратком курсе истории ВКП(б)», который редактировал лично Сталин, написали:

«Немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение было приостановлено. День отпора войскам германского империализма – 23 февраля – стал днем рождения молодой Красной армии».

Однако же «Краткий курс» – весьма ненадежный с точки зрения познания исторической истины документ. Даже нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов еще в 1933 году в газете «Правда» выражал сомнение:

«Кстати сказать, приурочивание празднества годовщины РККА к 23 февраля носит довольно случайный и труднообъяснимый характер и не совпадает с историческими датами».

Когда переговоры с немцами о заключении мира прервались, командование кайзеровской армии объявило, что с 18 февраля 1918 года будет считать себя в состоянии войны с Россией. А в Москве между лидерами большевиков шли ожесточенные споры. ЦК партии большевиков отказывался подписывать мир с немцами, многие требовали защищать революцию с оружием в руках. Но русской армии больше не существовало! Большевики обещали, что немедленно закончат войну, и солдаты, бросив фронт, отправились по домам.

Для обороны демаркационной линии, установленной после заключения перемирия с немцами, большевики развернули так называемую завесу, состоявшую из разрозненных отрядов. Северный, Западный и Южный участки завесы будут потом преобразованы в соответствующие фронты.

Отряды красногвардейцев, моряков-балтийцев и остатки старой армии действительно сопротивлялись наступавшим немцам под Псковом и Нарвой, но отстоять оба города не сумели.

23 февраля 1918 года начались бои в нескольких километрах от Пскова. 1-й и 2-й Красноармейские полки отступали, мужественно сопротивляясь. Город немцы взяли только 28 февраля.

Оборонять Нарву отправился Павел Ефимович Дыбенко, корабельный электрик и недавний руководитель моряков-балтийцев. 21 февраля Совнарком учредил Наркомат по морским делам, и Дыбенко стал первым советским военно-морским министром. Он возглавил 1-й Северный летучий отряд революционных моряков.

Военный руководитель Комитета обороны Петрограда бывший генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (брат управляющего делами Совнаркома) неодобрительно сказал Дыбенко: – Ваши «братишки» не внушают мне доверия. Я против отправки моряков под Нарву.

Но поскольку нарком Дыбенко был о себе высокого мнения, то он проигнорировал мнение какого-то золотопогонника.

В те дни под Нарвой проявились все дурные качества Дыбенко: авантюризм, импульсивность, самоуверенность. Балтийцы захватили цистерну со спиртом, что добавило им уверенности в собственных силах. Дыбенко всегда был склонен к неумеренному употреблению горячительных напитков. На поле боя это пристрастие особенно опасно.

В первом же настоящем бою моряки, привыкшие в основном митинговать и наводить страх на мирных жителей Петрограда, понесли большие потери и отступили. А в общем наступ-

лении Дыбенко, никогда не воевавший, вообще отказался участвовать. И не пожелал исполнять приказы начальника Нарвского участка обороны бывшего генерал-лейтенанта Дмитрия Павловича Парского, пытавшегося организовать оборону.

«Встревоженный сообщением Парского, – писал потом Михаил Бонч-Бруевич, – я подробно доложил Ленину. По невозмутимому лицу Владимира Ильича трудно было понять, как он относится к этой безобразной истории. Не знаю я и того, какая телеграмма была послана им Дыбенко.

Но на следующий день, всего через сутки после получения телеграфного донесения Парского, Дыбенко прислал мне со станции Ямбург немало позабавившую меня телеграмму: «Сдал командование его превосходительству генералу Парскому», – телеграфировал он, хотя отменное титулование было применено явно в издевку».

Отряд матросов бросил фронт и самовольно ушел в Гатчину. Ленин возмущенно говорил о «хаосе и панике, заставившей войска добежать до Гатчины».

Бои под Нарвой начались 3 марта, на следующий день немцы вошли в город. Впрочем, это был последний день боевых действий. 3 марта советская делегация все-таки заключила в Брест-Литовске мирный договор с государствами Четверного союза – Германией, Австро-Венгрией, Османской империей и Болгарией. Ленин отозвал Дыбенко с фронта и снял с поста наркома.

Так как же возник праздник? На следующий год, 23 февраля 1919 года, провели сбор подарков для Красной армии. Первоначально собирались провести этот праздник в первую годовщину ленинского декрета о создании РККА, то есть 28 января. Но газета «Правда» оповестила:

«Устройство Дня Красного подарка по всей России перенесено на 23 февраля. В этот день по городам и на фронте будет организовано празднование годовщины создания Красной армии, исполнившейся 28 января».

Широко проведенное и описанное во всех газетах мероприятие запомнилось. В дальнейшем этот день и превратился в праздник Рабоче-крестьянской Красной армии.

В начале 1918 года положение Советской Республики сильно ухудшилось. Враги большевиков множились на глазах, и все они брались за оружие. Совнарком решил создавать новую – революционную армию на добровольческой основе. При Наркомате по военным делам появилась Всероссийская коллегия по организации и формированию новой армии. Но солдаты разбегались по домам.

Ленин принял решение сменить военное руководство и поручить это дело Льву Давидовичу Троцкому. 13 марта 1918 года Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление: «Народным комиссаром по военным делам назначить тов. Троцкого».

Наступил звездный час Троцкого. Но вначале казалось, что Троцкий взялся за невыполнимое дело и советская власть долго не протянет. Он должен был создать новую армию и сделал это: в мае 1918 года РККА насчитывала триста тысяч бойцов, осенью – уже больше миллиона. В 1918 году в Красную армию добровольно вступили или были призваны двадцать две тысячи бывших офицеров. Кадровые военнослужащие высоко ценили чины и должности, на что Троцкий не скупился, поэтому бывшие офицеры охотно шли на службу Красной армии. Иногда из белой армии перебежали в Красную. Этот путь проделали четырнадцать с половиной тысяч офицеров.

Военную организацию при ЦК партии ликвидировали. Все полномочия отходили к наркомвоенмору Троцкому, который руководил и политической работой в армии.

Еще 20 октября 1917 года Военно-революционный комитет при Петроградском совете создал институт военных комиссаров, которые должны были представлять в воинских частях советскую власть, контролировать действия военных специалистов и следить за тем, чтобы они не перебежали к врагу.

Троцкий так и писал в 1918 году:

«Комиссары ставятся у нас в первую голову для наблюдения за командным составом. Если командир перебежал, виноват комиссар, и в боевой обстановке он за это отвечает головой».

Военкомы не доверяли бывшим офицерам и вмешивались в чисто военные дела. 8 апреля 1918 года при Высшем военном совете было образовано Всероссийское бюро военных комиссаров. Председателем назначили Константина Константиновича Юренева. Бюро должно было руководить всей политической работой на фронте и в тылу.

2 сентября 1918 года постановление ВЦИК объявило республику военным лагерем: «Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет». Председателем Реввоенсовета (РВСР) назначили Льва Троцкого. Он получил широчайшие полномочия. По существу Реввоенсовет обладал не меньшими правами, чем Совнарком, правительство страны.

Финляндия потеряна

Хельсинки, особенно центр, и сейчас напоминает Санкт-Петербург. Когда ходишь по городу, поневоле задумываешься над тем, что сегодняшняя Финляндия – нереализованный вариант развития Российской империи. Сложись сто лет назад события иначе – и вся Россия жила бы не хуже соседней Финляндии. В 1917 году Финляндия вовсе не была самой развитой частью империи. Но финны после революции создали себе политическую и экономическую систему, которая позволила им добиться завидных успехов.

Финляндия стала частью империи в результате успешной для России войны со Швецией в 1808–1809 годах. Император Александр I объявил себя великим князем Финляндским. Великое княжество Финляндское имело собственный сейм, без согласия которого император не мог принимать или отменять законы. Стараниями видного государственного деятеля-реформатора Михаила Михайловича Сперанского при дворе согласились с тем, что Финляндия – не такая же губерния, как все остальные части империи, а отдельное государство, особенности которого следует учитывать и уважать.

Лишь один народ в многонациональной Российской империи имел реальную автономию – это финны, отмечал академик Юрий Александрович Поляков. 20 июня 1906 года Николай II утвердил новую конституцию Финляндии. Финны получили всеобщее равное избирательное право. Свободолюбивые русские люди считали своим долгом выступать за права финнов, полагая, что если в одной части империи утвердятся эти принципы, их проще будет распространить на всю огромную страну.

«Финляндия поистине демократична, – эти слова принадлежат писателю Александру Ивановичу Куприну. – Демократична вовсе не тем, что в ней при выборах в сейм победили социал-демократы, а потому, что ее дети составляют один цельный, здоровый, работающий народ, а не как в России – несколько классов, из которых высший носит на себе самый утонченный цвет европейской полировки, а низший ведет жизнь пещерного человека».

После Февральской революции Временное правительство признало за финнами только широкую автономию. А большевики рассчитывали, что финские единомышленники повторят успех русских, и были готовы во всем идти им навстречу. Сторонником полной независимости Финляндии была член ЦК партии большевиков Александра Михайловна Коллонтай. Она любила финнов и Финляндию. В юности обожала жить у деда по матери Александра Масалина – в его имении Куусаа под Муолаа (Куусанхови), теперь это село Климово под Выборгом.

ЦК командировал ее на съезд социал-демократической партии Финляндии. 17 июня 1917 года Коллонтай изложила позицию большевиков:

– Мы, революционные социал-демократы, выступаем за предоставление Финляндии самостоятельности вплоть до отделения от Российского государства.

15 ноября 1917 года только что избранный сейм в Хельсинки заявил, что принимает на себя всю власть на территории Финляндии. 25 ноября Коллонтай и Сталин приехали на съезд социал-демократов Финляндии. Теперь они представляли новое правительство России. Сталина командировали как наркома по делам национальностей, Коллонтай – как знатока финских дел.

Сталин призвал финских социал-демократов действовать:

– В атмосфере войны и разрухи, в атмосфере разгорающегося революционного движения на Западе и нарастающих побед рабочей революции в России может удержаться и победить только одна власть, власть социалистическая. В такой атмосфере пригодна только одна тактика, тактика Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость! И если вам понадобится наша помощь, мы дадим ее вам, братски протягивая вам руку. В этом вы можете быть уверены!

6 декабря 1917 года сейм Финляндии провозгласил независимость и сформировал правительство. Теперь все зависело от позиции Советской России: признает или не признает? 29 декабря финское правительство обратилось к Совету народных комиссаров:

«В числе основных начал свободы российской революцией признано и провозглашено перед всем миром право полного самоопределения народов. Это великодушное признание вызвало сочувственный отклик в финском народе... По численности он не велик. Но он чувствует себя нацией среди наций с самобытной национальной культурой, с особою общественною и политическою жизнью. Однако до сих пор сему народу приходилось довольствоваться ограниченным правом самоопределения. Освобождение русского народа принесло свободу и финскому. Финляндия рассчитывает на признание со стороны России, от имени которой неоднократно провозглашено, что свобода – неотъемлемое право каждого народа».

31 декабря, в последний день 1917 революционного года, советская власть признала независимость Финляндии. Глава правительства Пер Эвинд Свинхувуд получил этот документ из рук Ленина. Отношения между соседями могли сложиться вполне дружескими. Однако российские большевики вовсе не собирались отпускать Финляндию – рассчитывали, что и там победит революция.

8 января 1918 года финские красногвардейцы заняли особняк генерал-губернатора в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). 28 января захватили ключевые объекты в городе. Хотели арестовать правительство, но министры благополучно исчезли. Образовался Совет народных уполномоченных, то есть правительство Финляндской рабочей республики.

29 января Совет уполномоченных сообщил в Петроград: «Буржуазное правительство свергнуто революционным движением рабочего класса». Юг страны перешел под управление финских коммунистов. Вспыхнула война между красными и белыми финнами.

17 февраля в Финляндию отправилась делегация, утвержденная высшим органом государственной власти Советской России – Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Александру Коллонтай утвердили главой делегации.

– Вы ведь «язычица», – сказал ей Ленин, – сумеете столкнуться на разных языках. Притом вы – нарком, это придает делегации официальный характер.

На следующий день делегация уже была в Гельсингфорсе, где власть находилась в руках красных финнов. Но, отметила Александра Михайловна, у них «нет уверенности в своих силах, в возможностях». Столица Финляндии показалась ей настороженной и безрадостной. Она от души приветствовала братскую социалистическую страну.

Казалось, мировая революция шагает по Европе. Финские коммунисты говорили, что судьба всей революции решается в Финляндии: если белогвардейцы победят здесь, они доберутся и до Петрограда.

«Улицы слабо освещены, пустынные, – записала в дневнике Коллонтай. – Впечатление города в осаде. Вспоминаю Гельсингфорс весною прошлого года. Тогда он кипел и бурлил. Городом владели моряки: куда ни поглядишь – белые матросские блузы, открытые, оживленные лица, радостно-напористые, волевые и бесстрашные... Тогда население, пролетарское население, шло с нами. А сейчас наших моряков чуть не растерзали. Классовая вражда в Финляндии острее и беспощаднее. Лютая будет здесь гражданская война!»

1 марта 1918 года Россия и Финляндская Социалистическая Рабочая Республика заключили в Петрограде договор. С советской стороны его подписали Ленин, нарком по иностранным делам Троцкий, нарком по вопросам национальностей Сталин (он подписался двойной фамилией Джугашвили-Сталин, вместо имени поставил латинский инициал J – Иосиф), нарком почт и телеграфа левый эсер Прош Перчевич Прошьян. С финской свои подписи поставили социал-демократы Оскари Токой и Эдвард Гюллинг.

Советское правительство широким жестом отдало красным финнам немалую территорию – в надежде, что вскоре произойдет воссоединение Красной России и Красной Финляндии. Отдали, в частности, район Петсамо, где нашли стратегические запасы никеля; его отберут назад в 1944 году, после двух войн.

«Правда», главная газета большевиков, поместила статью Александры Коллонтай «Новая Финляндия», подписанную призрачным псевдонимом «А. М. К-ай»:

«Рождается новая социалистическая советская Финляндия. Финляндия сейчас советская республика, которой с севера угрожают белогвардейцы, с юга – русско-германский империализм. Бои между белой и красной гвардиями идут непрерывно. Но позиции советской власти в Финляндии укрепляются с каждым днем».

Советская Россия помогала красным финнам. Но параллельно шли переговоры с Германией о мире. А Берлин требовал вывести Красную армию с территории Финляндии!

6 марта 1918 года открылся VII экстренный съезд партии большевиков. Коллонтай получила слово вечером 7 марта и произнесла пламенную речь против мира с немцами:

– Подписание мира явилось бы предательством перед Финляндией, перед той войной, которая там идет и которая перебрасывается, несомненно, в другие страны, потому что, как вы знаете, за белогвардейцами Финляндии сейчас стоит Швеция... Там уже чувствуется ясно дыхание этой нарастающей и крепнущей с каждым днем борьбы, новой войны красных и белых. Мы должны использовать этот момент, создавая интернациональную революционную армию. И если погибнет наша Советская Республика, наше знамя поднимут другие. Это будет защита не отечества, а защита трудовой республики. Да здравствует революционная война!

Зал отозвался аплодисментами. Но мир с Берлином все-таки был подписан, и Красную армию пришлось вывести. А 7 марта правительство Финляндии заключило договор с Германией, которая признала новое государство. Немцы отправили в Финляндию экспедиционный корпус. Высадились на Аландских островах, взяли столицу страны и раздавили красных финнов. Аландские острова – архипелаг из более шести тысяч островов и островков в стратегически важном районе – у входа в Ботнический залив и рядом с Финским заливом. Острова служили базой российского флота на Балтике, поэтому Германия спешила их захватить.

Большевистское правительство (точнее, отвечавший за отношения с финнами нарком по делам национальностей Сталин) сильно промахнулось. Вернуть назад территории, отданные красным финнам, уже было невозможно. Пришлось подтвердить их передачу в договоре 1920 года, подписанном уже с буржуазным правительством. Эта история предопределила новый конфликт с Финляндией, который вспыхнет через два десятилетия...

Смерть генерала Корнилова

В начале 1918 года казалось, что Белое движение нигде не встречает поддержки. Офицеров-добровольцев было так мало, что они не представлялись надежной силой, к которой хочется присоединиться. Но молодежь в военной форме верила в звезду невероятно популярного тогда Лавра Георгиевича Корнилова.

Корнилова многие называли выдающимся полководцем и крупным политиком, но он не был ни тем, ни другим. Он принял несколько губительных для Добровольческой армии решений. Лавру Георгиевичу не удалось ни одно из тех предприятий, за которые он брался. Генерал потерпел поражение и в политике, и на поле брани.

Отношения двух вождей Белого движения, генералов Корнилова и Алексеева, не сложились. Михаил Васильевич так отзывался о своем недавнем подчиненном: «опасный сумасброд, человек неуравновешенный и непригодный на первые роли». А Лавр Георгиевич не мог забыть, что именно генерал Алексеев летом семнадцатого арестовал его после неудачного мятежа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.